

Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19. № 4. С. 576–608.
HSE Economic Journal, 2015, vol. 19, no 4, pp. 576–608.

Политические режимы, перераспределение и формирование общества открытого доступа¹

Веселов Д.А.

В работе предлагается теоретическое объяснение влияния политических режимов, а также экономического неравенства на уровень барьеров входа на рынки, степень перераспределения и темпы технического прогресса и экономического роста. В предложенной модели объединяются два подхода, разработанных в теории роста и политической экономии развития: модели эндогенного роста вертикальных инноваций и подход новой политической экономики, согласно которому политические институты влияют на общественный выбор экономических институтов, которые в свою очередь обуславливают долгосрочные темпы роста. На первом шаге рассматриваемой игры агенты, неоднородные по своим доходам, способностям и политическому влиянию, принимают коллективное решение относительно параметров экономической политики (уровня перераспределения доходов и величины барьеров входа на рынок), на втором шаге агенты принимают экономические решения об инвестициях, производстве и потреблении. Политические режимы отличаются друг от друга распределением голосов при принятии коллективных решений между различными членами общества. Модель объясняет феномен, согласно которому переход к демократии в краткосрочном и среднесрочном периодах уменьшает неравенство доходов, однако не всег-

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Автор выражает глубокую благодарность Ф.Т. Алескерову, А. Д'Отюму, В.М. Полтеровичу, Ж.П. Лаффаргу, С. Росиньолю, А. Дрейзену, Н.Г. Арефьеву и А.М. Яркину, а также анонимному рецензенту за ценные замечания на этапе подготовки работы. Автор признателен коллективу лаборатории макроэкономического анализа, участникам семинара «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, участникам сессии «Экономические эффекты политических институтов» XVI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ, участникам конференции СПб ЭМИ РАН «Экономический рост, ресурсозависимость и социально-экономическое неравенство», а также участникам семинара по политической экономии НИУ ВШЭ за обсуждение работы и ценные замечания.

Веселов Дмитрий Александрович – к.э.н., PhD, доцент департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ, научный сотрудник лаборатории макроэкономического анализа НИУ ВШЭ. Email: dveselov@hse.ru

Статья получена: август 2015 г./Статья принята: октябрь 2015 г.

да приводит к формированию институтов, создающих равные возможности. В модели влияние политических режимов на барьеры входа на рынок зависит от первоначального уровня неравенства доходов и навыков, а также от среднего уровня навыков в обществе. В обществе с высоким уровнем неравенства доходов и навыков более вероятно возникновение коалиции агентов, предпочитающих высокий уровень барьеров входа на рынки. Эта коалиция включает наиболее богатых и наименее квалифицированных членов общества. Одним из результатов работы является обоснование различных сценариев воздействия демократизации на барьеры входа на рынок и темпы экономического роста. Результаты модели проиллюстрированы на четырех исторических примерах «третьей волны» демократизации.

Ключевые слова: демократизация; барьеры входа на рынок; общество открытого доступа; экономическое неравенство.

1. Введение

В последние десятилетия многие страны Азии, Латинской Америки, Восточной Европы провели политические реформы, направленные на переход к демократии. Хантингтон [Huntington, 1993] предложил назвать подобный переход третьей волной демократизации.

В настоящей работе под демократизацией будут пониматься реформы, увеличивающие возможность влияния простых граждан (не принадлежащих к элите) на принятие коллективных решений. Такие реформы включают внедрение многопартийной системы, института свободных выборов, а также возможности создания новых политических организаций. Переход к демократии может создать условия для улучшения качества экономических институтов, так как позволяет совершать выбор экономической политики с учетом интересов большинства. В этой связи демократизацию можно рассматривать в качестве одного из шагов к формированию общества открытого доступа. В обществе открытого доступа обеспечивается равенство всех субъектов экономики перед законом, обеспечивается одинаковый уровень защиты прав собственности для всех членов общества, а также существует возможность создания политических и экономических организаций всеми членами общества [North et al., 2012].

Страны мира, обладающие наиболее высоким доходом на душу населения, имеют демократическую политическую систему, а также экономические институты открытого доступа (по классификации Дугласа Норта и др.). Исключением являются лишь некоторые страны, экспортирующие природные ресурсы (Катар, ОАЭ, Бахрейн), а также Сингапур [North et al., 2012, p. 3–4]. В этих странах политическая система не является демократической, и при этом они обладают высоким доходом на душу населения.

Несмотря на положительную корреляцию между уровнем демократии и уровнем доходов на душу населения, эмпирические свидетельства влияния перехода от диктатуры к демократии на качество институтов и темпы экономического роста являются противоречивыми. Согласно ранней работе [Barro, 1996], демократизация не приводит к более высоким темпам роста, Полтерович и Попов [Polterovich, Popov, 2005] показывают, что демократизация снижает темпы роста в странах с низким уровнем поддержания закона

и правопорядка. Авторы работы [Doucouliagos, Ulubaolu, 2008] проводят сравнительный анализ существующих эмпирических исследований воздействия демократизации на темпы роста, они показывают, что не существует прямого эффекта демократизации на темпы экономического роста, в то же время возможны косвенные эффекты на темпы экономического роста через эффекты снижения барьеров входа на рынки, доступа к образованию, улучшения институтов защиты прав собственности. Авторы исследования [Acemoglu et al., 2014] приходят к выводу о том, что демократизация вызывает положительные изменения в темпах экономического роста, но только в долгосрочной перспективе; при этом эффект демократизации сильнее выражен для стран с более высоким уровнем образования.

Демократизация часто сопряжена с усилением политики популизма, при которой внимание общества акцентируется на проблеме перераспределения доходов. Во многих странах Латинской Америки (Чили, Венесуэла, Боливия, Аргентина) на демократических выборах побеждали партии, выступающие за более активное вмешательство государства в экономику и наращивание расходов бюджета. Это приводило к финансовой несбалансированности, подавлению частной инициативы, росту инфляции и к эпизодам гиперинфляции [Dornbusch, Edwards, 1991]. Так, в работе [Desai et al., 2003] показано, что эффект демократизации на инфляцию не является одинаковым. В обществе с высоким уровнем неравенства доходов переход к демократии ускоряет инфляцию, в то время как в обществе с низким уровнем неравенства доходов переход к демократии снижает инфляцию. Политика популизма не позволяет создать институты открытого доступа, и в конечном итоге от роста государственных расходов, высокой инфляции и нерыночных механизмов регулирования выигрывают агенты, приближенные к власти, и отдельные группы населения, субсидируемые государством.

Задача данной работы – объяснить неоднозначное воздействие демократизации на экономические институты. В качестве переменной, характеризующей качество институтов, в работе используется показатель барьеров входа на рынок. Барьеры входа на рынок могут измеряться затратами на создание новой фирмы [Djankov et al., 2002]. В то же время более широкое определение барьеров входа на рынок включает также различия в условиях кредитования, правовой среде и защите прав собственности между укоренившимися фирмами, принадлежащими элите, и новыми участниками рынка [Acemoglu, 2008].

В автократиях затраты на вход (создание нового бизнеса и получение лицензии) в среднем выше, чем в демократических государствах [Djankov, 2008]. В то же время различия между демократическими странами также очень высоки. Более того, в новых демократиях барьеры входа на рынок зачастую остаются высокими [Djankov, 2008]. Существенное влияние барьеров входа на различия в доходах между странами продемонстрировано в работе [Prescott, Parente, 1999]. Барьеры входа на рынок позволяют извлекать ренту владельцам укоренившихся фирм от монопольного положения на рынке и замедляют темпы роста, поскольку препятствуют входу на рынок новых, потенциально более эффективных участников².

² Следует различать барьеры входа, поощряющие технический прогресс и экономический рост и препятствующие им. В моделях шумпетерианского роста [Aghion, Howitt, 1992; 1998] патентная система, не позволяющая копировать уже существующие технологии, поощряет инновации и рост. В случае отсутствия патентной системы фирмы не готовы создавать новые технологии, поскольку ожидаемая прибыль от этих проектов всегда отрицательна. В данной работе рассматриваются

В современной литературе существует несколько обоснований существования высоких барьеров входа на рынок в условиях демократии. Авторы статьи [Acemoglu, Robinson, 2008] объясняют устойчивость неэффективных институтов в новых демократиях, обращая внимание на распределение фактической политической власти. Они вводят понятие «захваченной» демократии (*«captured» democracy*), в которой, несмотря на присутствие де-юре демократических политических институтов, экономические институты остаются направленными на изъятие ренты (*extractive institutions*). В их модели в начале демократизации элита способна создать альтернативные способы влияния на политические решения, таким образом, препятствуя изменениям в экономических институтах. Альтернативное объяснение предполагает наличие специальных групп интересов, которые формируют сильное лобби, поддерживающее монопольное положение на рынке отдельных фирм [Djankov, 2008].

Многие работы также проводят тесную связь между переходом к демократии и устранением барьеров входа на рынки. Асемоглу [Acemoglu, 2008] предлагает динамическую модель, в которой агенты различаются по уровню способностей к предпринимательству и по принадлежности к экономической и политической элите. В олигархии политические решения принимаются элитой, которая не заинтересована в перераспределении доходов, однако имеет частный интерес закрыть рынки для входа новичков. В результате более эффективные участники рынка не способны организовать фирмы, что приводит в конечном итоге к экономической стагнации. В демократии политические решения принимаются большинством агентов, которое заинтересовано в свободном входе на рынки, что приводит к постоянному притоку новых предпринимателей и устойчивым темпам роста. В то же время большинство агентов также голосует за перераспределение доходов, что искажает экономические стимулы и ведет к снижению выпуска. В модели олигархия в конечном итоге проигрывает демократии в темпах экономического роста. Авторы работы [Aghion et al., 2007] также предполагают, что в условиях демократии барьеры входа на рынок будут устранены. Их работа посвящена неоднородному влиянию устранения барьеров входа на рынок на фирмы, являющиеся технологическими лидерами, и фирмы, отстающие в своем технологическом развитии.

В отличие от работ [Acemoglu, 2008; Aghion et al., 2007] в настоящей работе продемонстрировано, что переход к демократии не всегда приводит к устранению барьеров входа на рынки. Примеры развития отдельных стран мира свидетельствуют, что демократии не всегда успешны в устранении барьеров входа на рынки. Так, изучая экономическое развитие Индии, авторы исследования [Aghion, Aghion, 2004] приходят к выводу о том, что ускорение экономического роста в Индии после 1990-х годов было вызвано реформами, поощряющими экономическую конкуренцию. В то же время отдельные сектора экономики сохраняют высокий уровень барьеров входа до настоящего времени. Алесина, Джавацци [Алесина, Джавацци, 2011] рассматривают в качестве одной из причин провала в развитии экономики Италии в последние десятилетия высокий уровень монополизации экономики. Эта ситуация также характерна и для других демократических стран Южной и Восточной Европы, Азии и Латинской Америки.

барьеры входа, препятствующие новым фирмам создавать более эффективные технологии и участвовать в патентной гонке.

Предложенная в данной работе модель содержит два существенных отличия от работ [Acemoglu, 2008; Aghion et al., 2007], позволяющие объяснить феномен высоких барьеров входа на рынки в условиях демократии. Во-первых, рассматривается общество, которое является неоднородным по уровню навыков (человеческого капитала). В этом случае политические предпочтения агентов, не относящихся к группе элит, будут неодинаковыми. Высококвалифицированные работники будут поддерживать переход к институтам открытого доступа, поощряющим технический прогресс, который приводит к росту их заработных плат. Низкоквалифицированные работники больше заинтересованы в высоком уровне трансфертов и готовы голосовать за высокий уровень перераспределения, даже если при этом институты открытого доступа не будут сформированы. Во-вторых, в настоящей работе политический режим не рассматривается как бинарная переменная (олигархия-демократия). Демократизация политической системы может приводить к «гибридным» режимам, в которых фактическая политическая власть элиты остается высокой и в то же время не позволяет принимать экономические решения без учета интересов других агентов. В результате даже если фактическая политическая власть элит уменьшается, коалиция большинства, состоящая из членов элиты и наименее квалифицированных работников, может предпочесть политику, сохраняющую барьеры входа на рынок. В этом случае институты открытого доступа не будут сформированы, в то время как формально демократические институты будут работать.

Методологической основой работы является однопериодная версия модели эндогенного роста с неоднородными агентами, принимающими политические и экономические решения. В политическом равновесии политика формируется устойчивой коалицией, объединяющей большинство голосов агентов. Модель не является динамической, и ее результаты описывают состояние (средний уровень навыков и неравенство в навыках работников), при котором основные переменные модели неизменны.

Переход к демократии определяется как уменьшение относительного числа голосов элиты в пользу других слоев населения (работников). В работе показано, что более равномерное распределение голосов между агентами (демократизация) ведет к устранению барьеров входа лишь при определенных условиях. Политическое равновесие определяется средним уровнем квалификации, распределением политической власти (степенью демократизации) и уровнем неравенства в навыках и доходах. В экономике с высоким средним уровнем навыков и низким неравенством навыков и доходов все работники предпочитают формирование институтов открытого доступа, и переход к демократии всегда ведет к устранению барьеров входа.

Модель позволяет дать объяснение феномену политики популизма в новых демократических государствах. В работе [Acemoglu et al., 2013] политики выбирают политическую платформу, более левую, чем позиция медианного избирателя, сигнализируя тем самым обществу о том, что они не коррумпированы. Настоящая работа предлагает альтернативное теоретическое объяснение реализации политики, которая не отражает предпочтения медианного избирателя. При определенных условиях в обществе формируется большинство, состоящее из элиты (владельцев фирм) и наименее квалифицированных работников, блокирующих формирование институтов открытого доступа. Подобная коалиция фокусирует внимание общества на проблеме перераспределения, и выигрыши от подобной политики получают элита, обладающая монопольным положением на рынках, и группа агентов, опирающаяся на получение трансфертов в качестве основного источника

доходов. В отличие от традиционных политэкономических моделей, в которых решения принимаются относительно одного инструмента перераспределения и в равновесии реализуется политика, предпочитаемая медианным избирателем [Alesina, Rodrik, 1994; Persson, Tabellini, 1994], в данной работе медианный (по уровню доходов) избиратель может быть не включен в коалицию большинства. В этом случае уровень перераспределения определяется из предпочтений наиболее бедной группы агентов, что соответствует эмпирическим наблюдениям [Scervini, 2012].

Структура статьи следующая: в разделе 2 описана базовая структура модели, в разделе 3 охарактеризованы предпочтения агентов на двумерном пространстве политики. Раздел 4 содержит вывод политического равновесия и его влияния на экономические переменные в модели. В разделе 5 рассматриваются четыре примера третьей волны демократизации и их иллюстрация в рамках модели, раздел 6 является заключением.

2. Базовая структура модели

Рассмотрим экономику с двумя группами агентов, владельцами фирм (капиталистами) и работниками. Продолжительность жизни агентов составляет один период, и каждый из агентов максимизирует текущий выигрыш в течение жизни. Каждый капиталист владеет одной из N фирм, являющейся монополией, производящей уникальный промежуточный товар i и получающей прибыль на своем рынке π . Фирмы являются симметричными. Каждый из работников обладает одной единицей труда и занят в производстве конечного товара. Общая численность работников равна L . В экономике производится конечное благо с использованием промежуточных товаров и труда. Работники различаются по своим навыкам, каждый работник получает зарплату wh_j , где w – зарплата, h_j – размер навыка работника j .

Агенты различаются также по своей политической силе, капиталисты обладают большим в β раз количеством голосов на выборах, нежели работники. Параметр β характеризует политический режим, при $\beta > L/N$ капиталисты обладают большинством голосов на выборах и принимают все политические решения единолично, что соответствует олигархии, при $\beta = 1$ все агенты имеют равное количество голосов, и каждый из агентов имеет одинаковое влияние на принятие политических решений. Этот случай соответствует совершенной демократии. Кроме того, возможны промежуточные ситуации, $\beta \in (1, L/N)$, при которых владельцы фирм оказывают большее влияние на принятие коллективных решений, нежели работники. Этот случай соответствует политическому режиму, при котором институты демократии существуют и, тем не менее, элиты, представленные в данной модели капиталистами, способны оказывать большее влияние на принятие коллективных решений за счет своего влияния на политические партии, средства массовой информации, лоббистских усилий. Асемоглу и Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2008] объясняют устойчивость неэффективных экономических институтов в Латинской Америке незначительным изменением фактического влияния элит на принятие коллективных решений, несмотря на демократические преобразования. Параметр β отвечает, таким образом, за фактическое влияние элит («de facto» political power).

В начале каждого периода общество делает коллективный выбор относительно барьеров входа на рынок (B, NB) и ставки налога на прибыль τ . Режим B закрытого доступа предполагает набор экономических институтов, при котором вход новых фирм на рынок невозможен. В реальности это может означать наличие высоких издержек входа на рынок (регистрации компаний, привлечения финансирования), а также различных правил игры для укоренившихся фирм и новичков, которые приводят к дискриминации новичков, включая различные условия защиты прав собственности для собственников укоренившихся фирм и новичков. Режим свободного входа на рынок (NB), или режим открытого доступа, означает то, что набор экономических институтов, таких как доступ к кредитному финансированию, защита прав собственности предпринимателей-новичков, позволяет создавать новые фирмы агентам, не относящимся к группе элит. В данном случае, как и в работах [Krusell, Rios-Rull, 1996; Parente, Zao, 2006], режим входа на рынки рассматривается как бинарная переменная.

Другой переменной политики является ставка налога на прибыль τ . Вся сумма собранных налогов идет на выплату аккордных трансфертов работникам. Таким образом, налог на прибыль является инструментом перераспределения от богатых к бедным, в данном случае от капиталистов к работникам.

Последовательность действий в модели следующая:

- а) режим входа (B, NB) и налоговая ставка τ выбираются в ходе политического процесса. Это решение не может быть пересмотрено;
- б) фирмы принимают инвестиционные решения. В режиме открытого доступа происходит патентная гонка между укоренившимися фирмами и новыми участниками рынка. По условиям патентной гонки фирма, первая осуществившая инновацию, получает патент и становится монополистом на рынке данного продукта;
- в) фирмы производят товары и выплачивают заработную плату;
- г) все производители принимают решение, скрывать ли доходы от налогообложения;
- д) происходит перераспределение и потребление.

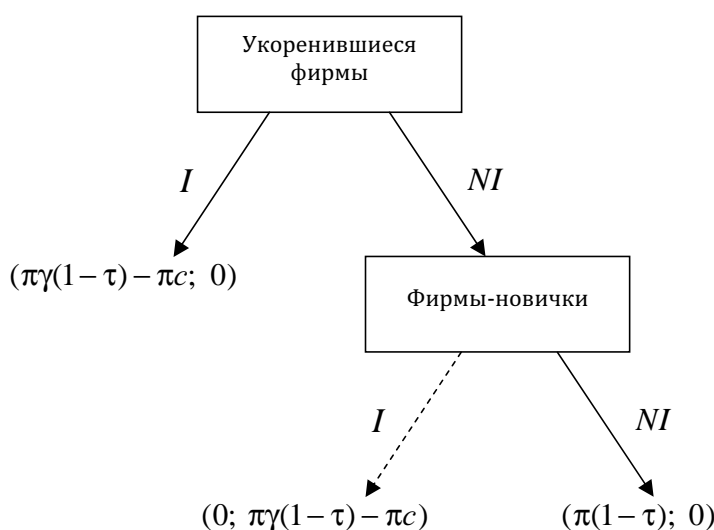
На втором шаге игры, после того, как политический выбор сделан, укоренившиеся фирмы принимают решение об инвестициях. Потратив $c\pi$ в начале периода, где c – параметр модели, каждая из укоренившихся фирм способна получить прибыль $\pi(1 - \tau)$ в конце периода³.

Если укоренившаяся фирма отказывается от инвестирования, то в режиме закрытого доступа она получает текущий уровень прибыли $\pi(1 - \tau)$, в режиме открытого доступа укоренившаяся фирма может потерять рынок. Это происходит в том случае, если инвестиции осуществляются фирмой-новичком, которая производит товар лучшего ка-

³ Модель общего равновесия для данной игры предложена в Приложении 1. В рамках модели общего равновесия издержки проекта пропорциональны уровню текущей технологии, что соответствует гипотезе о том, что по мере развития технологий создание новых технологий требует больших средств из-за роста их сложности. Для простоты издержки проекта (c) пронормированы к текущему уровню прибыли, который, в свою очередь, также пропорционален уровню технологий в модели общего равновесия.

чества и вытесняет укоренившуюся фирму с рынка⁴. Новая фирма может быть создана работниками с высоким уровнем навыков, обладающими талантами к предпринимательству.

Взаимодействие между укоренившейся фирмой и фирмой-новичком представлено на рис. 1. Если фирма-новичок вошла на рынок, укоренившаяся фирма теряет весь рынок в пользу более эффективного новичка. Укоренившиеся фирмы имеют преимущество первого шага; если они инвестируют в проект, то они остаются лидерами в данной отрасли и сохраняют монополию. Данный пример игры между укоренившейся фирмой и фирмой-новичком можно рассматривать как гонку патентов [Aghion et al., 2007].

Примечание: пунктирная стрелка обозначает, что фирмы-новички способны реализовывать инвестиционные проекты только в режиме открытого доступа. Стратегия *I* предполагает осуществление инвестиций, *NI* – отсутствие инвестиций.

Рис. 1. Гонка патентов

Как только инвестиционные проекты реализованы, фирмы производят товары и выплачивают заработную плату и налоги. На этом этапе фирмы могут скрыть свою прибыль от налогообложения. Издержки ухода от налогов на прибыль составляют δ за единицу прибыли. Это предположение гарантирует то, что фактическая налоговая ставка не превышает в равновесии δ , так как в противоположном случае общая сумма налоговых доходов будет равна нулю. В этой связи параметр δ может быть проинтерпретирован также как максимально возможная ставка налога (при которой налоги будут собираться).

Экономическое равновесие в модели. В Приложении 1 показано, что в общем равновесии ставка заработной платы и норма прибыли пропорциональны размеру технологии. Это означает, что если укоренившиеся фирмы решили инвестировать в инве-

⁴ Количество потенциальных новичков не играет роли в случае, если каждый из них способен вытеснить укоренившуюся фирму с рынка.

стиционный проект, доход на душу населения, прибыль и заработные платы всех работников увеличиваются в γ раз.

Инвестиционные решения укоренившихся фирм зависят от ожидаемой прибыли от инвестиционного проекта, которая определяется экзогенными издержками и размером инноваций (c, γ) , а также политическими переменными (режим входа, налоговая ставка). Если выполняется следующее неравенство

$$(1) \quad \gamma(1 - \tau) - c \geq 1 - \tau,$$

норма прибыли от инвестиций так высока, что укоренившиеся фирмы готовы инвестировать в проект даже в режиме закрытого доступа на рынок (высоких барьеров входа). В этом случае тип режима входа не влияет на размер инвестиций. Если условие (1) не выполнено, возможны два сценария. Если ожидаемая прибыль для новых участников рынка отрицательна,

$$(2) \quad \gamma(1 - \tau) - c < 0,$$

даже в случае выбора режима открытого доступа новые участники рынка не будут инвестировать в проекты, и, следовательно, угроза входа на рынок новичков не достоверна. Инвестиции в данном случае равны нулю, поскольку укоренившиеся фирмы также не готовы реализовывать инвестиционные проекты. Если же условие (2) не выполнено, и угроза входа на рынок является достоверной, укоренившиеся фирмы всегда будут использовать свое преимущество первого шага и инвестировать в проекты, для того чтобы не потерять рынок. Полученные результаты проиллюстрированы на рис. 2.

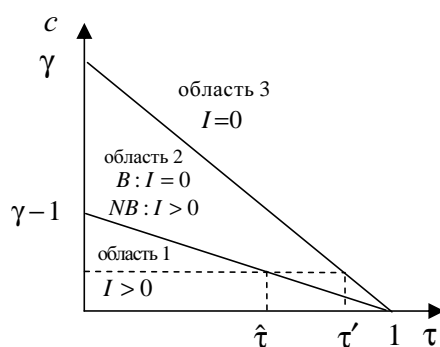

Рис. 2. Множество равновесий для заданных переменных политики

Повышение налоговой ставки уменьшает ожидаемую отдачу от инвестиций и влияет на стимулы фирм осуществлять инвестиции. Пусть τ' – пороговый уровень налога на прибыль: если $\tau > \tau'$, новички не будут инвестировать в новые проекты даже в случае свободного входа на рынок. Из неравенства (2) следует, что

$$(3) \quad \tau' = 1 - \frac{c}{\gamma}.$$

Определим также пороговое значение $\hat{\tau}$, такое, что для любого $\tau < \hat{\tau}$ укоренившаяся фирма реализует проект, даже если угроза входа на рынок новичка отсутствует. Из неравенства (1) следует, что

$$(4) \quad \hat{\tau} = 1 - \frac{c}{\gamma - 1}.$$

Легко заметить, что всегда верно неравенство $\tau' > \hat{\tau}$.

3. Предпочтения агентов на политическом пространстве

Рассмотрим теперь предпочтения агентов на двумерном пространстве политики (J, τ) , где $J \in \{B, NB\}$, $\tau_B \in [0, 1]$, $\tau_{NB} \in [0, \tau']$. Далее режим открытого доступа (NB) определяется как режим, при котором барьеры входа на рынок отсутствуют, и при этом ставка налога не превышает τ' . При ставке налога, превышающей τ' , вход на рынок новых фирм все равно невозможен, поскольку их ожидаемая доходность от инвестиций отрицательна.

Предпочтения владельцев укоренившихся фирм. Владельцы укоренившихся фирм (капиталисты) получают доход в виде прибыли от деятельности этих фирм. В режиме закрытого доступа на рынки (B) укоренившиеся фирмы могут свободно выбирать, инвестировать в проект или нет, не опасаясь конкуренции со стороны новичков. Выигрыш капиталистов является максимально возможной выгодой от этих двух альтернатив.

$$(5) \quad V_c^B = \max\{(1 - \tau)\pi, [\gamma(1 - \tau) - c]\pi\}.$$

Как было показано выше, в режиме открытого доступа на рынки (NB) укоренившиеся фирмы всегда используют свое преимущество первого хода и инвестируют в проекты. В связи с этим выигрыш капиталистов в NB -режиме равняется

$$(6) \quad V_c^{NB} = [\gamma(1 - \tau) - c]\pi.$$

Выигрыши, определяемые уравнениями (5) и (6), выполняются для $\tau \leq \delta$. Если $\tau > \delta$, фирмы будут скрывать свою прибыль, и доход капиталистов будет такой же, как и в случае $\tau = \delta$. На рисунках 3, 4 изображен выигрыш капиталистов в B - и NB -режимах для различных значений налога на прибыль (τ).

Если норма прибыли от проектов относительно низкая, такая что $c > \gamma - 1$ (рис. 3), режим закрытого входа на рынок всегда лучше для капиталистов, чем режим открытого доступа. В то же время, если норма прибыли от проектов достаточно высока, $c < \gamma - 1$, для низкого уровня ставки налога $\tau < \tau'$ владельцы укоренившихся фирм безразличны между двумя режимами доступа, так как в обоих режимах укоренившиеся фирмы осуществляют инвестиции и сохраняют лидерство на рынке.

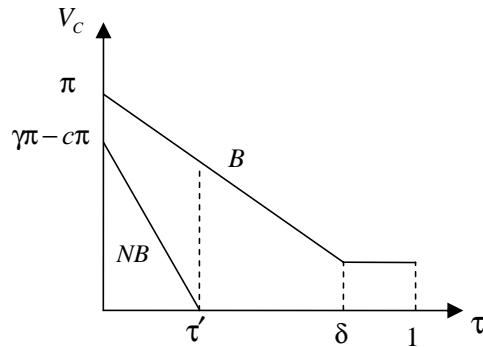

Рис. 3. Выигрыш владельцев укоренившихся фирм при $c > \gamma - 1$

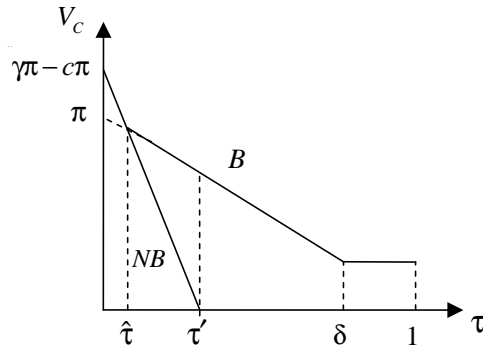

Рис. 4. Выигрыш владельцев укоренившихся фирм при $c < \gamma - 1$

Предпочтения капиталистов относительно ставки налога (τ) являются немонотонными. Поясним это на следующем примере, сравним выигрыш капиталистов от политик $(B, \tau' + \varepsilon)$ и (NB, τ') , где ε – малая величина. Капиталисты предпочитают более высокую ставку налога в данном случае, поскольку при более высокой ставке налога новичкам не выгодно входить на рынок. Следует отметить также, что выигрыш капиталистов в случае политики (NB, τ') равен нулю, что означает, что для $\delta < 1$ политика $(B, \tau' + \varepsilon)$ всегда будет предпочтительней для капиталистов, чем (NB, τ') .

Предпочтения работников. Доходы работников состоят из заработной платы и аккордных трансфертов. При $\tau < \delta$ фирмы не скрывают свою прибыль и сумма трансфертов для каждого из работников равна $\tau\pi N/L$. Если действующие фирмы не инвестируют в новые проекты (NI), выигрыш работников (V_k^{NI}) равняется

$$(7) \quad V_k^{NI} = wh_k + \frac{\tau\pi N}{L}.$$

В случае, если инвестиционные проекты реализуются, заработная плата, прибыль и трансфертные платежи увеличиваются пропорционально γ . Поэтому выигрыш работников в данном случае равен⁵

$$(8) \quad V_k^{NI} = \gamma \left(wh_k + \frac{\tau \pi N}{L} \right).$$

Более квалифицированные рабочие получают более высокие зарплаты, так как обладают более высокой производительностью. При этом квалифицированные работники выигрывают больше от технического прогресса. Чем выше уровень навыков работника, тем выше прирост его заработной платы при осуществлении инвестиционных проектов (γwh_k). В связи с этим существует потенциальное разногласие относительно наилучшей экономической политики между высококвалифицированными и низкоквалифицированными работниками, для которых трансфертные платежи являются главным источником доходов. Формальный анализ этого утверждения представлен в Утверждении 1.

Пусть \bar{h} – средний уровень навыков работников, и α – отношение общих доходов к совокупной заработной плате, $\alpha = \pi N / (w\bar{h}L)$.

Тогда верно следующее утверждение.

Утверждение 1.

А) Для высоких уровней отдачи от проектов, $c < \gamma - \delta$, все работники предпочитают режим открытого доступа (NB) с наибольшим уровнем перераспределения $\tau = \min\{\tau', \delta\}$.

Б) Для промежуточной нормы отдачи от проектов, $\gamma - \delta < c < \gamma$, для группы работников с более высоким уровнем квалификации, $h_k \geq h'$, наилучшей политикой является режим открытого доступа с умеренным перераспределением (NB, τ'), остальные работники предпочитают политику максимально возможного перераспределения (B, δ), где

$$(9) \quad h' = \frac{\bar{h}\alpha(\delta - \gamma + c)}{\gamma - 1}.$$

В) Для низких уровней отдачи от инвестиций, $c > \gamma$, вход новичков на рынок не возможен и все работники предпочитают максимальный уровень перераспределения (B, δ).

Доказательство Утверждения 1 представлено в Приложении 2.

⁵ Предполагается, что работники обладают информацией о том, что даже в случае открытого доступа на рынки укоренившиеся фирмы будут пользоваться правом первого входа и инвестировать в проекты. В связи с этим их выигрыш в режиме открытого доступа состоит лишь из заработной платы и не включает ожидаемую прибыль фирм-новичков. Альтернативная версия модели, в которой предприниматели являются отдельным классом общества, представлена в работе [Veselov, 2013].

Выигрыши работников двух типов проиллюстрированы на рис. 5 и 6. Заметим, что для низкоквалифицированных работников (рис. 5) наилучшей политикой является максимальное перераспределение доходов с блокированием входа на рынок (B, δ), в то время как для высококвалифицированных работников свободный вход на рынок с умеренным перераспределением, (NB, τ'), предпочтительней всех остальных вариантов политики.

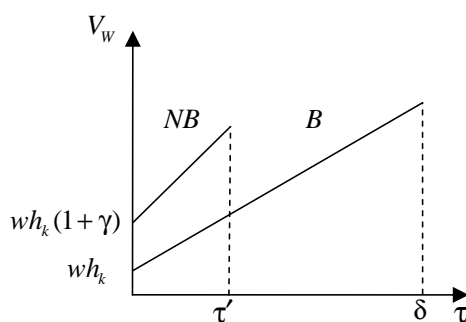

Рис. 5. Выигрыш наименее квалифицированных работников ($L_1, h < h'$)

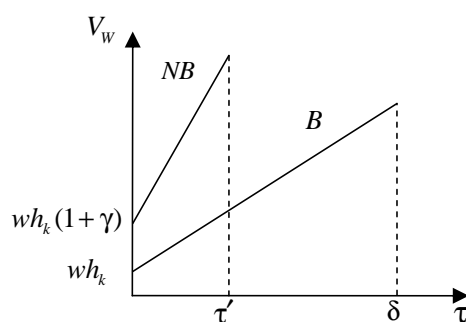

Рис. 6. Выигрыш наиболее квалифицированных работников ($L_2, h > h'$)

Определим две группы работников размера L_1, L_2 , где $L_1 \in [0, L], L_2 \in [0, L], L_1 + L_2 = L$. Так как доходы от инвестиций концентрируются главным образом в руках владельцев фирм и высококвалифицированных работников, группа относительно низкоквалифицированных работников (L_1) предпочитает B -режим с максимальным уровнем перераспределения. Группа относительно квалифицированных работников (L_2) предпочитает более низкий уровень перераспределения и режим открытого доступа на рынок с положительными инвестициями.

На соотношение групп работников влияет степень неравенства доходов между капиталистами и работниками (α) и степень неравенства распределения навыков между работниками. Из Утверждения 1 следует, что чем больше скошенность (в правую сторо-

ну) распределения человеческого капитала, тем выше число сторонников B -режима среди работников. Более высокая доля заработной платы в общих доходах (меньший уровень α) уменьшает выгоду от перераспределения, но увеличивает выгоду от экономического роста для всех работников и, как следствие, увеличивает число сторонников свободного входа на рынок среди работников. Более высокая доходность проектов увеличивает число работников, поддерживающих режим свободного входа.

4. Политическое равновесие

На первом шаге игры обществу, состоящему из элиты и работников, необходимо выбрать режим доступа на рынки и уровень перераспределения. В данной работе предполагается, что решение принимается абсолютным большинством голосов агентов (majority core voting equilibrium).

Определение 1. Политическое равновесие – набор переменных политики: режима барьеров входа на рынок $J^* \in \{B, NB\}$, ставки налога на прибыль (τ^*), уровня трансфертов (tr^*), такой, что не существует коалиции избирателей, обладающей большинством голосов, каждый из членов которой предпочитает другой допустимый набор (J, τ_j, tr_j) .

Данный вид политического равновесия реализуется так же, как равновесие по Нэшу в чистых стратегиях в игре двух партий конкурентов, заботящихся только о победе на выборах. Если политическое равновесие существует и единственно, каждая из партий будет предлагать политику J^* в качестве своей политической программы на выборах.

В моделях голосования с несколькими измерениями политики политическое равновесие по правилу абсолютного большинства часто не существует в связи с проблемой цикла коллективных предпочтений (парадоксом Кондорсе) [McKelvey, Wendell, 1976]. В предложенной в данной работе модели существует широкий набор условий, для которых равновесие существует и единственно, а случая, когда политическое равновесие отсутствует, дается экономическая интерпретация⁶.

Определение политического равновесия предполагает, что политические решения в обществе принимаются коалицией, включающей в себя большинство голосов. При этом количество голосов для каждого из двух типов агентов может быть различным. Общее количество голосов равняется $N\beta + L$, где β – мера фактической политической власти владельцев фирм. Если β достигает наименьшего значения, единицы, голос каждого агента ценится одинаково, что является случаем идеальной демократии.

Когда большинство избирателей формируют агенты с одинаковыми предпочтениями, их выбор и является политическим равновесием. Это верно как для олигархии при

⁶ Современные политэкономические работы, анализирующие случай двумерного и многомерного пространства политики, предлагают более сложные версии моделирования политических процессов, решающие проблему отсутствия равновесия. Могут использоваться вероятностные модели голосования [Bernasconi, Profeta, 2012], модели внутрипартийной борьбы [Roemer, 1999], а также модели формирования политических партий [Levy, 2005; Fernandez, Levy, 2008]. В данной работе используется наиболее простой вариант политического равновесия в демократии, рассматриваемый также в работах [Fernandez, Rogerson, 1995; Веселов, 2012].

$\beta > L/N$, где большинство голосов всегда принадлежит владельцам фирм, так и для демократического режима, в котором большинство избирателей составляют работники с одинаковыми предпочтениями, группа L_1 или L_2 .

Заметим, что группа работников обладает большинством голосов в случае, если число работников данной группы превышает $(N\beta + L)/2$. Пусть h_x – максимальный уровень навыков работника среди x наименее квалифицированных работников. Тогда группа низкоквалифицированных работников L_1 обладает абсолютным большинством голосов в случае, если $\frac{h_{L+N\beta}}{2} < h'$. Группа высококвалифицированных работников L_2 обладает абсолютным большинством голосов, если $\frac{h_{L-\beta N}}{2} > h'$.

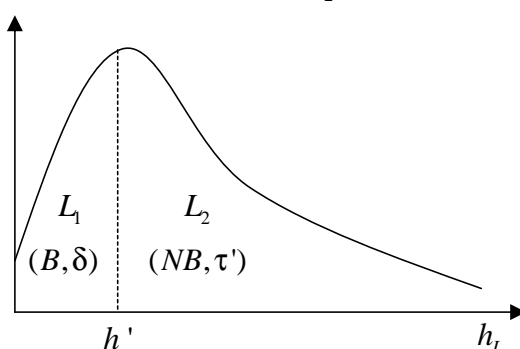

Рис. 7. Пример гистограммы распределения работников по уровню навыков

В случае, если каждая из трех групп не имеет большинства голосов, для существования политического равновесия необходимо формирование устойчивой коалиции большинства.

Утверждение 2.

Если $\frac{h_{L+N\beta}}{2} < h' < \frac{h_{L-\beta N}}{2}$ и $\beta > L/N$, т.е. в случае, когда каждая из трех групп агентов (L_1, L_2, N) не обладает абсолютным большинством голосов:

1) (B, δ) является политическим равновесием, поддерживаемым коалицией капиталистов и наименее квалифицированных работников, если выполняется хотя бы одно из условий: $\frac{h_{L+\beta N}}{2} \leq h''$ или $\delta \leq 1 + c - \gamma$, где $h'' = \bar{h}\alpha(1 + c - \gamma)/(\gamma - 1)$.

2) В остальных случаях политического равновесия не существует.

Доказательство данного утверждения представлено в Приложении 2.

Из Утверждения 2 следует, что в случае, если доходность проектов относительно низкая или владельцы фирм могут уклониться от высокого уровня перераспределения, $\delta \leq 1 + c - \gamma$, политическое равновесие всегда существует и единственно. В данном случае цена перераспределения относительно невысока для владельцев фирм, и они всегда го-

товы поддержать политику максимального перераспределения с высокими барьерами входа. В то же время эта политика является наилучшей для наименее квалифицированных работников.

Следствие 1.

При $\delta \leq 1/2$ политическое равновесие всегда существует и единственно. В случае, когда каждая из трех групп агентов не обладает большинством голосов, (B, δ) является политическим равновесием, поддерживаемым коалицией из капиталистов и наименее квалифицированных работников (L_1).

Доказательство.

Из Утверждения 1 каждая из групп агентов не обладает абсолютным большинством голосов лишь при $c > \gamma - \delta$. Тогда при $\delta \leq 1/2$ всегда выполнено условие $c > \gamma - 1 + \delta$. Из Утверждения 2 следует, что (B, δ) является в данном случае политическим равновесием.

Рисунки 8 и 9 описывают равновесные политические результаты в зависимости от типа политического режима и нормы доходности проектов для различных уровней максимальной ставки налогообложения (δ). Низкая максимальная ставка налогообложения соответствует ситуации, при которой фирмы имеют возможности избежать высоких ставок налогов на прибыль за счет сокрытия от уплаты налогов.

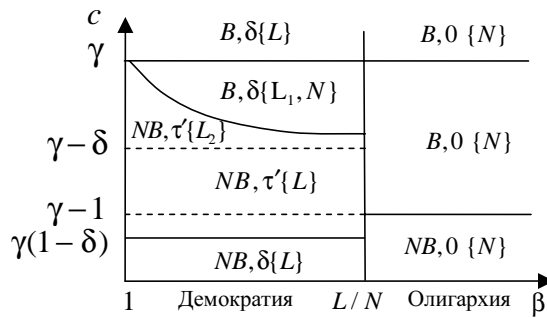
При низком уровне максимальной ставки налогообложения, $\delta \leq 1 + c - \gamma$, при прочих равных, больше работников заинтересованы в открытом доступе на рынки, так как альтернатива максимального перераспределения становится менее привлекательной. В этом случае формирование большинства работников, предпочитающих режим открытого доступа, (NB, τ') , более вероятно. В то же время низкий уровень δ делает коалицию владельцев фирм и низкоквалифицированных работников устойчивой. В случае, если группа работников, предпочитающих режим открытого доступа, не обладает большинством голосов, равновесием будет являться режим закрытого входа на рынки, (B, δ) , поддерживаемый владельцами фирм и наименее квалифицированными работниками.

Высокий максимальный уровень перераспределения ($\delta > 1 + c - \gamma$) приводит к тому, что политика (B, δ) становится более привлекательной для работников. Как следствие, при прочих равных, более вероятно формирование большинства низкоквалифицированных работников, поддерживающих данную политику. В то же время, если большинство голосов не принадлежит ни одной из групп агентов, устойчивой коалиции большинства может не быть.

Владельцы фирм и низкоквалифицированные работники предпочитают политике свободного входа на рынки, (NB, τ') , политику максимального перераспределения, (B, δ) . В то же время этот исход слишком затратен для владельцев фирм, и они склонны образовать коалицию с наиболее квалифицированными работниками для достижения низкого уровня перераспределения $(NB, \tau < \tau')$. Однако эта политика также не является устойчивой, поскольку все работники требуют большего перераспределения, (NB, τ') , что замыкает цикл.

Подобный цикл предпочтений напоминает цикл политики макроэкономического популизма [Dornbusch, Edwards, 1991]. На выборах побеждает партия, стремящаяся быст-

ро решить проблему бедности за счет роста государственных расходов, что приводит к высокой инфляции и экономической стагнации. Спасением является стабилизационная программа резкого сокращения расходов правительства. После окончания периода стабилизации и возвращения невысоких положительных темпов роста на выборах вновь может победить партия популизма.

Примечание: здесь и далее в фигурных скобках указана группа агентов или коалиция агентов, обладающих абсолютным большинством голосов при принятии политических решений.

Рис. 8. Набор политических равновесий в модели для невысоких значений δ

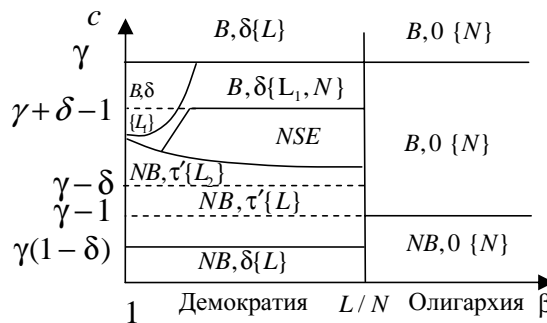

Рис. 9. Набор политических равновесий в модели для высоких значений δ (NSE обозначает случай отсутствия равновесия)

Рассмотрим теперь различные сценарии влияния перехода к демократии на величину барьеров входа на рынок, степень перераспределения и темпы экономического роста.

Наиболее высокий уровень доходности проектов ($c < \gamma - 1$). Согласно Утверждению 1 все работники предпочитают в данной ситуации *NB*-режим с максимально возможным уровнем перераспределения (δ для $\delta < \tau'$ или τ' в противоположном случае). Высокая норма отдачи гарантирует, что даже при закрытом входе на рынки в случае олигархии при нулевой ставке налога укоренившиеся фирмы реализуют инвестиционные проекты. Тогда демократизация приводит к большему перераспределению, но не влияет на уровень инвестиций, которая является положительной для обоих режимов.

Этот пример описывает процесс и результаты перехода к демократии в странах, проявивших чудеса экономического роста, особенно в странах Восточной Азии, таких как Южная Корея или Япония. В период индустриализации даже авторитарные режимы в этих странах характеризовались высокими темпами роста, и переход к демократии не оказывал значительное влияние на индикаторы деловой среды.

Наиболее низкий уровень доходности проектов ($c > \gamma$). Этот случай описывает ситуацию ловушки бедности, при которой формирование институтов открытого доступа не обеспечивает стимулов для инвестирования. Все работники предпочитают политику (B, δ) , а владельцы фирм – $(B, 0)$. Пространство политики становится одномерным, и наблюдается конфликт относительно уровня перераспределения между богатыми и бедными слоями населения. Данный случай иллюстрирует влияние демократизации на экономические результаты в наименее развитых странах.

Промежуточный уровень доходности проектов ($\gamma - 1 < c < \gamma$). Только для промежуточного уровня нормы доходности проектов пространство экономической политики является двумерным. В данном случае возможны два сценария воздействия демократизации. При высокой норме доходности, $c < \gamma - \delta$, переход к демократии, даже несовершенной демократии, всегда ведет к устранению барьеров входа на рынок. Так как наилучший выбор для всех работников – (NB, τ') , при $\beta < L/N$ абсолютное большинство избирателей, состоящее из всех работников, выберет режим свободного входа на рынки и промежуточный уровень ставки налога τ' . Переход к режиму открытого доступа положительно влияет на уровень инвестиций и темпы экономического роста.

В тоже время при $\gamma > c > \gamma - \delta$ существуют три группы агентов с различными предпочтениями относительно экономической политики: капиталисты предпочитают набор $(B, 0)$, высококвалифицированные рабочие – набор (NB, τ') , а низкоквалифицированные рабочие предпочитают максимальный уровень перераспределения (B, δ) . В этих условиях демократизация не всегда ведет к устранению барьеров входа.

Режим свободного доступа на рынки, (NB, τ') , является политическим равновесием лишь в случае, когда группа высококвалифицированных работников (L_2) обладает большинством голосов. Рассмотрим условие, для которого при наличии трех различных групп избирателей (квалифицированные и неквалифицированные работники, владельцы фирм) группа квалифицированных работников обладает большинством голосов. Это верно в том случае, если

$$(10) \quad h_{\frac{L-\beta N}{2}} > h',$$

где $h_{\frac{L-\beta N}{2}}$ – уровень навыков наименее квалифицированного работника из числа наи-

более квалифицированных работников, образующих большинство.

Условие (10) соблюдается только в определенных ситуациях, которые отражены в следующем утверждении. Заметим также, что доходность проектов положительно связана со средним уровнем навыков работников (что доказывается в Приложении 1), и поэтому низкому уровню параметра c соответствует более высокий средний уровень навыков работников.

Следствие 2.

Существует порог среднего уровня навыков работников (\bar{h}^*), такой, что в экономике с высококвалифицированной рабочей силой ($\bar{h} \geq \bar{h}^*$) демократизация всегда приводит к формированию институтов открытого доступа. В экономике с низкоквалифицированной рабочей силой ($\bar{h} < \bar{h}^*$) демократизация приводит к формированию институтов открытого доступа, если выполнены следующие условия:

1) фактическое влияние элит существенно снижается (случай совершенной демократии);

2) неравенство в распределении человеческого капитала является низким;

3) отношение совокупной прибыли к заработной плате является низким.

Рисунок 10 иллюстрирует политические равновесия в модели в зависимости от параметра, оценивающего степень демократизации (β) и уровня неравенства в навыках. Рассмотрим логнормальное распределение навыков работников. Тогда параметром, измеряющим неравенство в навыках, является отношение среднего уровня человеческого капитала к медианному уровню человеческого капитала (\bar{h} / h_{med}).

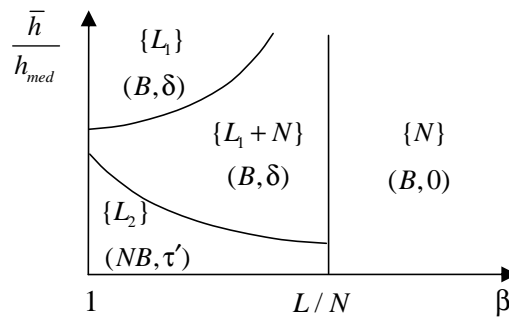

Рис. 10. Набор политических равновесий и состав коалиции большинства при различных уровнях неравенства навыков работников для случая $\delta \leq 1 + c - \gamma$

При низком среднем уровне навыков и низком среднем уровне доходностей проектов частичная демократизация приводит к формированию коалиции между капиталистами и низкоквалифицированными работниками (область $L_1 + N$). Капиталисты в этом случае соглашаются на максимальное перераспределение прибыли (δ), чтобы принадлежащие им фирмы избежали конкуренции со стороны новых участников рынка. Низкоквалифицированные работники также поддерживают этот вид политики, поскольку предпочитают голосовать за максимальное перераспределение. Даже при $\beta = 1$, в случае, когда политическая власть равномерно распределена между агентами, режим открытого доступа может быть не реализован в политическом равновесии, если неравенство навыков работников или же различия в доходах между капиталистами и рабочими достаточно высоки. Заметим, что как только коалиция капиталистов и низкоквалифицированных рабочих сформирована, равновесный уровень перераспределения выбирается

наименее квалифицированными работниками, а не представителями среднего класса. Этот случай, как и случай популистского цикла предпочтений, разобранный выше, иллюстрирует историю отдельных стран Латинской Америки с низким запасом человеческого капитала, где рентабельность проектов является низкой, а уровень неравенства навыков высоким.

5. Иллюстрации результатов базовой модели на исторических примерах

Результаты предыдущего раздела позволяют получить тестируемые гипотезы, которые могут быть проверены на данных. Данные результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1) воздействие демократизации на барьеры входа на рынок различается в зависимости от среднего уровня навыков работников. Чем выше средний уровень навыков работников, тем сильнее воздействие демократизации на уровень барьеров входа;

2) в странах с низким средним уровнем навыков, а также с высоким уровнем экономического неравенства (неравенства по доходам и неравенства по навыкам) демократизация не приводит к снижению барьеров входа на рынок.

Для оценки уровня демократизации обычно используются индексы Freedom House и Polity IV, а также композитные индексы, построенные на основании этих двух индексов [Acemoglu et al., 2014]⁷. Так как эконометрическое тестирование модели выходит за рамки данной работы, воспользуемся подходом исследователей [Acemoglu, Robinson, 2005; Acemoglu, 2008] и проиллюстрируем результаты модели на исторических примерах демократизации «третьей волны» [Huntington, 1993] и ее влияния на формирование институтов открытого доступа и экономического роста.

Демократизация в Южной Корее. Южная Корея и Тайвань считаются одними из наиболее успешных демократий в Азии, возникших в «третью волну» демократизации. Даже в период авторитарного режима темпы роста доходов на душу населения в Южной Корее в среднем равнялись 7,1%, существенно превышая среднемировой уровень. Экономическое развитие Южной Кореи было сопряжено с созданием крупных промышленных корпораций (*chaebols*), использующих дешевую рабочую силу и импорт технологий для производства промышленных товаров на внешние рынки [Kim, Moon, 2000]. Экономические институты, существующие в Южной Корее, были сформированы во времена колониальной зависимости [List-Jensen, 2008]. Семьи, владеющие крупными корпорациями, были тесно связаны неформальными связями с властными структурами. После демонстраций 1987 г. были созданы институты демократии, появился институт прямых пре-

⁷ Индекс Polity IV содержит данные о характеристиках политического режима, включающие открытость и состязательность в процессе формирования органов исполнительной власти, наличие институциональных ограничений на деятельность органов исполнительной власти, а также наличие института конкурентных выборов. Данный индекс является дискретной переменной от -10 до 10, где 10 – максимально возможный балл для демократии; -10 – максимально возможный балл для автократии (http://www.hse.ru/jesda/mathbase/databases/db_12).

Индекс Freedom House оценивает уровень политических и гражданских свобод в обществе в интервале от 1 до 7 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015#.VjgisSuPWgo>).

зидентских выборов и возникла политическая конкуренция. В этот период начала проводиться политика, поощряющая развитие экономической конкуренции и частную инициативу [List-Jensen, 2008]. В то же время крупные корпорации сохранили лидирующую роль в экономике, они и сейчас являются основными работодателями для квалифицированной молодежи в Южной Корее и производят значительную долю выпуска. Несмотря на высокие рейтинги Южной Кореи в индексе делового климата (DBI) (см. табл. 1), наблюдается недостаток предпринимательской инициативы, а талантливая молодежь заинтересована в качественном образовании для дальнейшей работы в крупных корпорациях [The Economist, 2013].

Демократизация в Польше. Польша является одной из наиболее успешных стран, переживших трансформационный кризис перехода от командной экономики к рыночной. С 1992 г. по 2015 г. уровень доходов на душу населения (по паритету покупательной способности) возрос с 23 до 42% от уровня США [UNWDI data base]. Успех польской экономики был связан с целым рядом факторов, включающих политику шоковой терапии после распада СССР, ускорившую макроэкономическую стабилизацию, построение новой политической и экономической системы, основанной на принципах демократии и защиты прав собственности, а также интеграции Польши в Европейский союз [Piatkowski, 2013].

Несмотря на существующее разделение политических предпочтений в стране (западная часть Польши голосует на выборах за представителей либеральных партий, восточная – консервативных), после распада Советского Союза сложился широкий консенсус относительно перспектив дальнейшего развития, интеграции в ЕС и построения демократического государства. В результате в Польше были созданы демократические политические институты (по индексу Polity IV Польша имеет максимально возможный балл –10) и экономические институты, поощряющие ведение бизнеса. Польша занимает 32 место в рейтинге ведения бизнеса и обладает относительно высокими показателями отсутствия коррупции и эффективности регулирования (табл. 1).

Демократизация в Аргентине. После поражения в войне за Фолклендские острова в 1983–1984 гг. в Аргентине начался новый виток перехода к демократическим институтам. В рамках модели данное изменение означает снижение фактического влияния элиты на принятие политических решений (β). В 1990-е годы были проведены либеральные реформы, направленные на сокращение доли государства в экономике, а также на уменьшение роли профсоюзов и либерализацию рынков. В то же время данные преобразования не оказались устойчивыми. После серьезного макроэкономического кризиса в экономике Аргентины в 1998–2001 гг. к власти пришли сторонники усиления роли государства в экономике. В погоне за поддержкой избирателей новые власти стали применять нерыночные меры экономического регулирования. В середине 2000-х годов экономика росла вслед за ростом цен на природные ресурсы, однако впоследствии темпы роста резко замедлились, и очередной цикл популистской политики властей привел к высокой инфляции, истинные значения которой не известны, так как официальная статистика является недостоверной. Несмотря на наличие политической конкуренции, неэффективные экономические институты остаются неизменными. Аргентина занимает низкие позиции в рейтингах, измеряющих легкость создания новых предприятий, бремя налогообложения, а также эффективность государственного регулирования (табл. 1).

Демократизация в Нигерии. Нигерия начала новый этап демократических преобразований в 1999 г. после длительного правления военных. Несмотря на это, за послед-

ние годы политические и экономические институты существенно не изменились. Страна обладает большим запасом углеводородов, которые являются основным источником доходов от экспорта. Большая часть этих доходов контролируется правящей элитой. Рост доходов на душу населения (с 6 до 10% от уровня США с 1999 по 2014 гг.) не привел к существенному снижению уровня бедности. По данным Всемирного банка, в 2010 г. уровень бедности составлял около 50% от общего числа населения. Страна обладает неблагоприятными условиями для предпринимательства (см. табл. 1). Выборы, проходившие в стране за данный период, не отличались прозрачностью и чистотой. Алумона [Alumona, 2010] отмечает, что основные организации, выступающие гарантами свободных выборов (избирательная комиссия, правоохранительная система), находятся под контролем и заботятся об интересах правящей партии. Коррупция пронизывает экономику Нигерии с низовых уровней до наиболее высоких слоев властной иерархии [Alumona, 2010; Transparency International, 2015]. При этом обязательство властей по борьбе с коррупцией всякий раз оказывается недостоверным. В условиях выборов как властями, так и оппонентами зачастую используются лозунги, разделяющие людей по этническому признаку. При этом большая часть населения страны живет в деревнях, разговаривает на различных языках и следует традиционным культурным установкам. В результате основными идеологическими конкурентами существующей власти являются сторонники фундаментального ислама. Несмотря на формальный переход к демократии, действующие политические и экономические институты являются устойчивыми и формирования институтов открытого доступа не происходит.

Таблица 1.

**Индикаторы условий деловой среды, политические
и экономические показатели в четырех «новых» демократиях**

Показатели	Южная Корея	Польша	Аргентина	Нигерия
ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) 2014 г.	34356	23690	22100	5602
Индекс Polity IV (10 – совершенная демократия; –10 – совершенная автократия)	8	10	8	6
Позиция в рейтингах индекса ведения бизнеса DBI – 2015 г.				
Общая позиция в рейтинге	5	32	124	170
Создание предприятий	17	85	146	129
Обеспечение исполнения контрактов	4	52	63	140
Налогообложение	25	87	170	179
Совокупная ставка налога для компаний, %	32,4	38	47	46,2

Окончание табл. 1.

Показатели	Южная Корея	Польша	Аргентина	Нигерия
Позиция в рейтингах индекса закона и правопорядка (Rule of law)				
Отсутствие коррупции	14	28	51	97
Соблюдение законов в регулировании	10	29	75	74

Примечания. Показатель «Создание предприятий» учитывает время и затраты на создание новой фирмы, а также величину минимально необходимого уставного капитала; показатель «Обеспечение исполнения контрактов» оценивает временные и денежные затраты рассмотрения исков в судах, а также оценивает общую эффективность судебных процедур; показатель «Налогообложение» учитывает время, затрачиваемое на налоговые платежи предприятиями, количество налоговых платежей и их размер; показатель «Отсутствие коррупции» учитывает наличие взяточничества, незаконного смешения государственных и частных интересов, неправомерного использования государственных средств; показатель «Соблюдение законов в регулировании» измеряет соответствие применения процедур регулирования властями формальным правилам, а также отсутствие экспроприации частной собственности.

Источники данных: Doing Business Indicators – 2015, Polity – IV database, UNWDI data base, WJP Rule of Law data base.

Рисунок 11 иллюстрирует расположение рассматриваемых стран на основной диаграмме модели. Заметим, что лишь в одном из рассмотренных четырех случаев демократизации (в Польше) изменение политического режима привело к формированию институтов общего доступа и ускорению темпов роста. Южная Корея описывается ситуацией, при которой норма доходности столь высока, что укоренившиеся фирмы остаются лидерами на рынке. В этом случае демократизация ведет к большему перераспределению доходов, но не влияет на качество институтов и экономический рост до тех пор, пока норма доходности остается высокой.

Нигерия является примером страны, в которой основную роль играет конфликт за распределение ренты. Элита сопротивляется фактической демократизации, так как это приводит к потере контроля над основными источниками доходов. При этом задача построения общества открытого доступа уходит на задний план.

В Аргентине правящая коалиция выражает интересы элиты и групп интересов, представляющих большинство на выборах. При этом выполнены условия теоретической модели, страна не имеет избытка квалифицированной рабочей силы (как следствие – норма доходности проектов относительно низка), а структура экономики и ориентация на экспорт сырьевых ресурсов обуславливает высокую долю прибыли по отношению к зарплатам. (Доля заработной платы в ВВП в Аргентине существенно меньше уровня развитых стран – 60% [Lindenboim et al., 2011, p. 9].)

Рис. 11. Иллюстрация эпизодов демократизации в базовой модели

6. Заключение

В работе представлена модель, описывающая влияние демократизации политических институтов на уровень барьеров входа на рынок, степень перераспределения доходов и темпы экономического роста. Модели влияния политических режимов на экономический рост [Acemoglu, 2008; Aghion et al., 2007] не объясняют тот факт, что переход к демократии не всегда сопровождается формированием институтов открытого доступа. Учитывая неоднородность агентов по уровню доходов и навыков, а также возможность большого влияния на политические решения элит, предложенная в данной работе модель позволяет объяснить причины, из-за которых более равномерное распределение политической власти между агентами не всегда приводит к устранению барьеров входа на рынок и ускорению экономического роста. В случае, если политическим выбором является одновременно уровень перераспределения и барьеры входа, демократизация всегда приводит к увеличению перераспределения, однако вызывает формирование институтов открытого доступа только при определенных условиях, которые включают высокий средний уровень навыков рабочих, низкое неравенство в доходе между капиталистами и рабочими и низкое неравенство навыков. При этих условиях большинство избирателей, состоящее из всех работников, поддерживает режим открытого доступа и в политическом равновесии реализуется политика умеренного перераспределения и свободного доступа на рынки.

В модели демократизации в странах с низким начальным уровнем образования и высоким неравенством в богатстве и навыках приводит к популистской политике, поддерживаемой коалицией капиталистов и низкоквалифицированных рабочих. В этом случае средний класс, состоящий из высококвалифицированных рабочих, не входит в состав коалиции большинства и не влияет на принятие решений относительно экономической политики. Подобная ситуация наиболее вероятна для стран, имеющих более высокий уровень неравенства доходов и навыков, а также стран, полагающихся на экспорт натуральных ресурсов.

Предложенная модель описывает лишь краткосрочное и среднесрочное влияние демократизации на экономические институты и рост, так как в рамках модели норма доходности проекта, уровень запасов навыков и уровень неравенства в распределении на-

выков являются постоянными. В случае, если агенты принимают решение об инвестициях в образование, демократизация может привести также к изменению уровня навыков, кроме того, в демократии могут быть использованы альтернативные механизмы распределения через субсидирование образования [Saint-Paul, Verdier, 1992].

Приложение 1.

Модель общего равновесия

В основе модели общего равновесия лежит модифицированная версия модели шumpетерианского роста, предложенная в работах [Aghion, Howitt, 1992; Howitt, Mayer-Foulkes, 2005]. Пусть существует один конечный продукт, производящийся с использованием труда и N промежуточных продуктов. Производственная функция задана как

$$(11) \quad Y = (H/N)^{1-\alpha} \sum_{i=1}^N A(i)^{1-\alpha} x(i)^\alpha,$$

где Y – количество конечного продукта; $H = \bar{h}L$ – размер эффективного труда (с поправкой на уровень навыков); $A(i)$ и $x(i)$ – качество и количество промежуточного продукта i . Рынок конечного продукта конкурентный, тогда спрос на промежуточный продукт задается как

$$(12) \quad p_x(i) = \alpha A(i)^{1-\alpha} H^{1-\alpha} x(i)^{\alpha-1} N^{\alpha-1}.$$

На рынке промежуточного продукта i существует единственная фирма-лидер, предлагающая товар наилучшего качества $A(i)$ и множество фирм-конкурентов, предлагающих товар меньшего качества $A(i)/\gamma$. В этом случае фирма-лидер будет единственным продавцом на рынке промежуточного товара i и будет устанавливать цену, равную

$$(13) \quad p_x(i) = \chi = \min\{\gamma, 1/\alpha\}.$$

Подставляя уравнение (13) в (12), находим равновесный объем производства товара $x(i)$ и, подставляя его в производственную функцию, получим равновесный выпуск

$$(14) \quad Y = \left(\frac{\alpha}{\chi}\right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} AH,$$

где A – средний уровень качества промежуточных продуктов – индикатор технологического прогресса. Уровень ВВП на душу населения пропорционален уровню развития технологий. Равновесный выпуск делится на доходы труда, прибыль производителей промежуточного продукта и расходы на производство промежуточных продуктов. Для симметричного равновесия ($A(i) = A$) данное условие можно записать как

$$(15) \quad \pi N + xN + wH = Y.$$

При этом доля доходов труда и прибыль определяется как

$$(16) \quad wH = (1 - \alpha)Y,$$

$$(17) \quad \pi N = \frac{\alpha}{\chi}(\chi - 1)Y.$$

Ключевой параметр модели – отношение суммарной прибыли к суммарной заработной плате определяется эластичностью выпуска по промежуточному продукту (α) и размером наценки (χ).

$$(18) \quad \xi = \frac{\pi N}{\omega H} = \frac{\alpha(\chi - 1)}{(1 - \alpha)\chi}.$$

Заметим, что для случая радикальных инноваций цена продукции равна $1/\alpha$ и доля суммарной прибыли к суммарной заработной плате совпадает с α . В случае, если средний уровень навыков растет, то и норма доходности проектов также растет, так как уровень прибыли пропорционален совокупному размеру навыков H .

Приложение 2.

Доказательство утверждений

Доказательство Утверждения 1.

Если $\tau' \geq \delta$, легко видеть из функции выигрыша работников (7, 8), что все работники предпочитают максимально возможный уровень перераспределения δ и NB -режим. Если $\tau' < \delta$, существует выбор между режимом открытого доступа с более низким уровнем перераспределения и режимом, блокирующим вход новичков на рынок, с высоким уровнем перераспределения. Наилучшая политика для работников может быть как (NB, τ') , так и (B, δ) . Сравним выигрыш работников в каждом случае, получим:

$$(19) \quad V_k(NB, \tau') = \gamma[wh_k + \tau'\pi N / L],$$

$$(20) \quad V_k(B, \delta) = wh_k + \delta\pi N / L.$$

Работники предпочитают набор (NB, τ') , только если

$$(21) \quad \gamma[wh_k + \tau'\pi N / L] \geq wh_k + \delta\pi N / L.$$

Разделив неравенство на \bar{wh} , получим:

$$(22) \quad \gamma \left[\frac{h_k}{h} + \tau' \alpha \right] \geq \frac{h_k}{h} + \delta \alpha.$$

Данное неравенство может быть представлено как

$$(23) \quad (\gamma - 1) \frac{h_k}{h} \geq (\delta - \tau' \gamma) \alpha.$$

Подставляя τ' , получим:

$$(24) \quad (\gamma - 1) \frac{h_k}{h} \geq (\delta - \gamma + c) \alpha.$$

Заметим, что для любого $c < \gamma - \delta$ неравенство (24) выполнено для любого положительного h_k . Для $c > \gamma$ инвестиции равны нулю вне зависимости от налоговой ставки и все работники предпочитают максимальную политику перераспределения (B, δ) . В промежуточном случае существует пороговый уровень навыков h' , который делит агентов на две группы: первая предпочитает набор (B, δ) , вторая предпочитает набор (NB, τ') .

Доказательство Утверждения 2.

Рассмотрим случай, когда ни у одной из трех групп агентов нет абсолютного большинства голосов. Заметим, что политика $(J, \tau < \tau')$, где $J = (B, NB)$, всегда хуже, чем политика (NB, τ') для всех работников. Проверим, является ли политика (NB, τ') равновесием. Заметим, что в случае, когда ни у одной из трех групп нет большинства голосов, политика (B, δ) всегда предпочитается политике (NB, τ') большинством избирателей. Из функции выигрыша (5, 6) для владельцев фирм всегда выгодней поддержать политику (B, δ) . Для группы работников $L_1(B, \delta)$ является наилучшей политикой. Любая политика $(B, \tau_B < \delta)$ менее предпочтительна, чем (B, δ) для всех работников. Это означает, что единственным вариантом политического равновесия является политика (B, δ) .

Политика (B, δ) может быть политическим равновесием лишь в случае, если нет коалиции, состоящей из владельцев фирм и квалифицированных работников, предпочитающих политику $(NB, \tau < \tau')$. Формирование такой коалиции возможно лишь в том случае, если выполняются следующие условия:

$$(25) \quad \begin{cases} \tau_{NB} \geq 0, \\ V_c(NB, \tau_{NB}) > V_c(B, \delta), \\ V_{\frac{L+\beta N}{2}}(NB, \tau_{NB}) > V_{\frac{L+\beta N}{2}}(B, \delta). \end{cases}$$

Данную систему можно переписать в виде

$$(26) \quad \begin{cases} \tau_{NB} \geq 0, \\ \gamma(1 - \tau_{NB}) - c \geq 1 - \delta, \\ \gamma \left[wh_{\frac{L+\beta N}{2}} + \tau_{NB} \pi N / L \right] > wh_{\frac{L+\beta N}{2}} + \delta \pi N / L. \end{cases}$$

Разделив обе части последнего неравенства на $w\bar{h}$, получим:

$$(27) \quad \begin{cases} \tau_{NB} \geq 0, \\ \gamma(1 - \tau_{NB}) - c \geq 1 - \delta, \\ \gamma \left[\frac{h_{L+\beta N}}{\bar{h}} + \tau_{NB} \alpha \right] > \frac{h_{L+\beta N}}{\bar{h}} + \delta \alpha. \end{cases}$$

Тогда существует набор (NB, τ_{NB}) , который предпочитается набору (B, δ) абсолютным большинством избирателей, только если

$$(28) \quad \begin{cases} 0 \leq \tau_{NB} \leq 1 - \frac{c+1-\delta}{\gamma}, \\ \tau_{NB} > \frac{\delta}{\gamma} - (\gamma-1) \frac{h_{L+\beta N}}{\gamma \alpha \bar{h}}. \end{cases}$$

Заметим, что данное условие выполнено лишь в случае, если выполнены одновременно два условия

$$(29) \quad \begin{cases} \delta \geq 1 + c - \gamma, \\ \frac{(\gamma-1)h_{L+\beta N}}{\alpha \bar{h}} > c + 1 - \gamma. \end{cases}$$

Если хотя бы одно из условий не соблюдается, набор (B, δ) является политическим равновесием, так как нет коалиции, обладающей абсолютным большинством голосов и поддерживающей другой допустимый набор политики.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алесина А., Джавацци Ф.* Либерализм – это левая идея. Альпина Бизнес Букс, 2011.
- Веселов Д.А.* Социальный оптимум и политическое равновесие в экономике с двумя инструментами перераспределения // Экономический журнал ВШЭ. 2012. Т. 16. № 3. С. 341–367.
- Acemoglu D.* Oligarchic Versus Democratic Societies // Journal of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. № 1. P. 1–44.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.* Political Theory of Populism // The Quarterly Journal of Economics. 2013. Vol. 128. № 2. P. 771–805.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge University Press, 2005.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Persistence of Power, Elite and Institutions // American Economic Review. 2008. Vol. 98. № 1. P. 267–293.
- Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.F.* Democracy does Cause Growth: NBER Working Paper № 20004. 2014.
- Alesina A., Rodrik D.* Distributive Politics and Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1994. Vol. 2. P. 465–490.
- Alumona I.M.* The Politics of Democratization in Nigeria: Are the People Involved? // Journal of Sustainable Development in Africa. 2010. Vol. 12. № 7. P. 1–8.
- Aghion P., Aghion B.A.* A New Growth Approach to Poverty Alleviation: Working Paper. 2004. (<http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/S4IN04%20A%20New%20Growth%20Approach.pdf>)
- Aghion P., Howitt P.* A Model of Growth Through Creative Destruction // Econometrica. 1992. Vol. 60. № 2 (Mar). P. 323–351.
- Aghion P., Howitt P.* Endogenous Growth Theory. The MIT Press, 1998.
- Aghion P., Alesina A., Trebbi F.* Democracy, Technology, and Growth: National Bureau of Economic Research Working Paper 13180. 2007.
- Barro R.* Democracy and Growth // Journal of Economic Growth. 1996. № 1. P. 1–27.
- Bernasconi M., Profeta P.* Public Education and Redistribution When Talents Are Mismatched // European Economic Review. 2012. Vol. 56. P. 84–96.
- Desai R.M., Olofsgard A., Yousef T.M.* Democracy, Inequality, and Inflation // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. № 3. P. 391–406.
- Dornbusch R., Edwards S.* The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago University Press, 1991.
- Doucoulagos H., Ulubaolu M.A.* Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Journal of Political Science. 2008. Vol. 52. № 1. P. 61–83.
- Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A.* The Regulation of Entry // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. № 1. P. 1–37.
- Djankov S.* The Regulation of Entry: A Survey: CEPR Discussion Papers 7080. 2008.
- Fernandez R., Levy G.* Diversity and Redistribution // Journal of Public Economics. 2008. Vol. 92. P. 925–943.
- Fernandez R., Rogerson R.* On the Political-Economy of Education Subsidies // Review of Economic Studies. 1995. Vol. 62. № 2. P. 249–62.
- Howitt P., Mayer-Foulkes D.* R&D Implementation, and Stagnation: A Schumpeterian Theory of Convergence Clubs // Journal of Money, Credit and Banking. 2005. Vol. 37. № 1. P. 147–177.
- Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1993.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recording Human History. Cambridge University Press, 2012.

Kim Y.C., Moon C. Globalization and Workers in South Korea // S.S. Kim (ed.) Korea's Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Krusell P., Rios-Rull J.V. Vested Interests in a Positive Theory of Stagnation and Growth // Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63. № 2. P. 301–329.

Levy G. The Politics of Public Provision of Education // Quarterly Journal of Economics. 2005. Vol. 120. № 4. P. 1507–1534.

Lindenboim J., Kennedy D., Graña J.M. Share of Labour Compensation and Aggregate Demand – Discussions Towards a Growth Strategy: United Nations Conference on Trade and Development Discussion Paper. № 203. 2011.

List-Jensen A.S. Economic Development and Authoritarianism: A Case Study on the Korean Developmental State. Aalborg University: Department of History, International and Social Studies, 2008.

McKelvey R.D., Wendell R.E. Voting Equilibria in Multidimensional Choice Spaces // Mathematics of Operational Research. 1976. Vol. 1. № 2. P. 144–157.

Parente S.L., Zhao R. Slow Development and Special Interests // International Economic Review. 2006. Vol. 47. P. 991–1011.

Persson T., Tabellini G. Is Inequality Harmful for Growth // The American Economic Review. 1994. Vol. 84. № 3. P. 600–621.

Piatkowski M. Poland's New Golden Age: Shifting from Europe's Periphery to its Center: Policy Research Working Papers. World Bank, 2013.

Polterovich V., Popov V. Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is not Encouraging: MPRA Paper № 21606. 2005.

Prescott E.C., Parente S.L. Monopoly Rights: A Barrier to Riches // American Economic Review. 1999. Vol. 89. № 5. P. 1216–1233.

Roemer J.E. Why the Poor do not Expropriate the Rich: An Old Argument in New Garb // Journal of Public Economics. 1999. Vol. 70. № 3. P. 399–424.

Saint-Paul G., Verdier T. Education, Democracy and Growth // Journal of Development Economics. 1992. Vol. 42. P. 399–407.

Scervini F. Empirics of the Median Voter: Democracy, Redistribution and the Role of the Middle Class // Journal of Economic Inequality. 2012. Vol. 10. P. 529–550.

The Economist. Special Report: The Koreas. The other Arms Race. 2013. Oct. 26

Transparency International. Nigeria's Corruption Challenge. 2015. (http://www.transparency.org/news/feature/nigerias_corruption_challenge)

Veselov D.A. Redistribution and the Political Support of Free Entry Policy in the Schumpeterian Model with Heterogeneous Agents: Working Papers by Centre d'Economie de la Sorbonne. № 2013.50. 2013.

Doing Business Indicators Database.

World Development Indicators Database (United Nations).

Polity IV Database.

WJP Rule of Law Database.

Political Regimes, Redistribution and the Formation of the Open Access Society

Veselov Dmitry

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasniskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: dveselov@hse.ru

The paper provides theoretical explanations of the influence of political institutions and economic inequality on barriers to entry on markets, a level of redistribution, technological progress and economic growth. The model combines two approaches of modern economic literature, endogenous growth models of creative destruction and the approach of the political economy of development, according to which political institutions determine a social choice of economic institutions, which influence long-term growth rates. On the first step of the game agents differing in their incomes, skills and political power, make a social decision about the level of redistribution and the level of barriers to entry on markets. On the second step agents make economic decisions on investment, production and consumption. Political regimes differ in the distribution of votes between the members of elite and other citizens. The model explains the empirical evidence, suggesting that the transition to democracy in short and middle term reduces inequality in incomes, but does not always lead to the formation of institutions, favoring the equality of opportunities. In the model the influence of political regimes on barriers to entry on markets depends on the initial level of inequality in incomes and skills, and also on the average level of skills. In a society with a high level of inequality in incomes and skills, the existence of a majority coalition, which support a high level of barriers to entry on markets is more probable. This coalition will include the richest agents and the least skilled agents. The results of the model explain different outcomes of democratization process in terms of its effect on barriers to entry on markets and economic growth. The paper also considers four examples of third-wave democratization, which illustrates the results of the model.

Key words: democratization; barriers to entry on markets; the open access societies; economic inequality.

JEL Classification: O33, P16, P48.

* *

*

References

Alesina A., Giavazzi F. (2011) *Liberalizm – jeto levaja ideja* [Liberalism Is a Left Idea]. Alpina Business Books.

Veselov D. (2012) Social'nyj optimum i politicheskoe ravnovesie v jekonomike s dvumja instrumentami pereraspredelenija [Social Optimum and Political Equilibrium in the Economy with Two Types of Redistribution]. *HSE Economic Journal*, 16, 3, pp. 341–367.

- Acemoglu D. (2008) Oligarchic Versus Democratic Societies. *Journal of the European Economic Association*, 6, 1, pp. 1–44.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2013) Political Theory of Populism. *The Quarterly Journal of Economics*, 128, 2, pp. 771–805.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2005) *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge University Press.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2008) Persistence of Power, Elite and Institutions. *American Economic Review*, 98, 1, pp. 267–293.
- Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.F. (2014) *Democracy does Cause Growth*. NBER Working Paper no 20004.
- Alesina A., Rodrik D. (1994) Distributive Politics and Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 2, pp. 465–490.
- Alumona I.M. (2010) The Politics of Democratization in Nigeria: Are the People Involved? *Journal of Sustainable Development in Africa*, 12, 7, pp. 1–8.
- Aghion P., Aghion B.A. (2004) *A New Growth Approach to Poverty Alleviation*. Working Paper. Available at: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/S4IN04%20A%20New%20Growth%20Approach.pdf>
- Aghion P., Howitt P. (1992) A Model of Growth Through Creative Destruction. *Econometrica*, 60, 2 (Mar.), pp. 323–351.
- Aghion P., Howitt P. (1998) *Endogenous Growth Theory*. The MIT Press.
- Aghion P., Alesina A., Trebbi F. (2007) *Democracy, Technology, and Growth*. National Bureau of Economic Research Working Paper 13180.
- Barro R. (1996) Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth*, 1, pp. 1–27.
- Bernasconi M., Profeta P. (2012) Public Education and Redistribution When Talents Are Mismatched. *European Economic Review*, 56, pp. 84–96.
- Desai R.M., Olofsgard A., Yousef T.M. (2003) Democracy, Inequality, and Inflation. *American Political Science Review*, 97, 3, pp. 391–406.
- Dornbusch R., Edwards S. (1991) *The Macroeconomics of Populism in Latin America*. Chicago University Press.
- Doucouliagos H., Ulubaolu M.A. (2008) Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis. *American Journal of Political Science*, 52, 1, pp. 61–83.
- Djankov S., La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A. (2002) The Regulation of Entry. *The Quarterly Journal of Economics*, 117, 1, pp. 1–37.
- Djankov S. (2008) *The Regulation of Entry: A Survey*. CEPR Discussion Papers 7080.
- Fernandez R., Levy G. (2008) Diversity and Redistribution. *Journal of Public Economics*, 92, pp. 925–943.
- Fernandez R., Rogerson R. (1995) On the Political-Economy of Education Subsidies. *Review of Economic Studies*, 62, 2, pp. 249–62.
- Howitt P., Mayer-Foulkes D. (2005) R&D Implementation, and Stagnation: A Schumpeterian Theory of Convergence Clubs. *Journal of Money, Credit and Banking*, 37, 1, pp. 147–177.
- Huntington S.P. (1993) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. University of Oklahoma Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2012) *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recording Human History*. Cambridge University Press.
- Kim Y.C., Moon C. (2000) Globalization and Workers in South Korea. *Korea's Globalization* (ed. S.S. Kim), Cambridge: Cambridge University Press.
- Krusell P., Rios-Rull J.V. (1996) Vested Interests in a Positive Theory of Stagnation and Growth. *Review of Economic Studies*, 63, 2, pp. 301–329.
- Levy G. (2005) The Politics of Public Provision of Education. *Quarterly Journal of Economics*, 120, 4, pp. 1507–1534.

Lindenboim J., Kennedy D., Graña J.M. (2011) *Share of Labour Compensation and Aggregate Demand – Discussions Towards a Growth Strategy*. United Nations Conference on Trade and Development Discussion Paper. no 203.

List-Jensen A.S. (2008) *Economic Development and Authoritarianism: A Case Study on the Korean Developmental State*. Aalborg University. Department of History, International and Social Studies.

McKelvey R.D., Wendell R.E. (1976) Voting Equilibria in Multidimensional Choice Spaces. *Mathematics of Operational Research*, 1, 2, pp. 144–157.

Parente S.L., Zhao R. (2006) Slow Development and Special Interests. *International Economic Review*, 47, pp. 991–1011.

Persson T., Tabellini G. (1994) Is Inequality Harmful for Growth. *The American Economic Review*, 84, 3, pp. 600–621.

Piatkowski M. (2013) *Poland's New Golden Age: Shifting from Europe's Periphery to its Center*. Policy Research Working Papers. World Bank.

Polterovich V., Popov V. (2005) *Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is not Encouraging*. MPRA Paper no 21606.

Prescott E.C., Parente S.L. (1999) Monopoly Rights: A Barrier to Riches. *American Economic Review*, 89, 5, pp. 1216–1233.

Roemer J.E. (1999) Why the Poor do not Expropriate the Rich: An Old Argument in New Garb. *Journal of Public Economics*, 70, 3, pp. 399–424.

Saint-Paul G., Verdier T. (1992) Education, Democracy and Growth. *Journal of Development Economics*, 42, pp. 399–407.

Scervini F. (2012) Empirics of the Median Voter: Democracy, Redistribution and the Role of the Middle Class. *Journal of Economic Inequality*, 10, pp. 529–550.

The Economist. Special Report: The Koreas. The other Arms Race. (2013) Oct. 26.

Transparency International. Nigeria's Corruption Challenge (2015) Available at: http://www.transparency.org/news/feature/nigerias_corruption_challenge

Veselov D.A. (2013) *Redistribution and the Political Support of Free Entry Policy in the Schumpeterian Model with Heterogeneous Agents*. Working Papers by Centre d'Economie de la Sorbonne. no 2013.50.

Doing Business Indicators Database.

World Development Indicators Database (United Nations).

Polity IV Database.

WJP Rule of Law Database.